



Договор "Чёрное"

18+

Док Тор

Договор "Чёрное и Белое"

<https://litres.ru/74021693>

SelfPub; 2026

Аннотация

У него в груди бьётся не сердце, а безжалостный механизм, отсекающий всё человеческое.

В её разуме живёт эхо того, что существовало до небесных законов, и знает, как заставить их рухнуть.

Между ними — рушащийся Договор, пролитая кровь и запретная тяга, способная сжечь оба мира.

Джэлил Теовиль готов на любую жертву ради сохранения равновесия. Даже если этой жертвой станет его собственный сын — чистый демон, чьё существование нарушает высший закон мироздания. Приговор вынесен: полное стирание.

Но как выполнить этот приговор, если она не позволит этого? Та, что уже заставила его безупречный Кастис дать первую трещину.

В тени плетут интриги падшие ангелы, Люцифер терпеливо ждёт своего часа, а древний артефакт Ада уже выслеживает свою добычу. В этой войне нет правых. Есть только те, кто выживет, и те, кого поглотит небытие.

«Договор: Чёрное и Белое» — это мрачная мифологическая сага о цене власти, бремени искупления и силе, которая сильнее смерти и законов мироздания.

Док Тор

Договор "Чёрное и Белое"

ПРОЛОГ. Каин

«Дьявол не может быть счастлив. Даже когда побеждает.

Особенно когда побеждает».

Мир замер. Ветер стих. Птицы не пели — будто сама земля затаила дыхание.

Каин стоял на коленях. Пальцы дрожали, касаясь алой влаги на виске брата. Она была тёплой, почти живой, и ужасно липла к коже.

— Брат?..

Голос сорвался в шёпот. Он дотронулся до щеки — ещё тёплой, но восковой. Слизнул каплю — и скривился. Горький. Металлический. Чужой.

— Вставай!

Он встряхнул безвольное тело. Голова брата лишь безжизненно качнулась.

— Это не смешно!

Пальцы впились в плечи, оставляя тёмные отпечатки на светлой ткани.

— Я... я просто...

Он оглянулся на камень. На нём алела та же влага. Его пальцы. Руки. Вся передняя часть туники.

Словно во сне, он поднял тело — оно обмякло, голова запрокинулась, открывая синеющий след на шее.

— Я отнесу тебя к ручью, — бормотал Каин, спотыкаясь под непривычной тяжестью. — Смою эту...

В тот день Авель переступил черту. Миндальное деревце — единственное утешение нелюдимого и одинокого Каина. Брат срубил его, как ломают ветку. И усмехнулся. Зная, как Каин дорожил им.

Когда Каин закричал, в глазах брата мелькнуло что-то торжествующее. Он бросился на него — и Каин просто оттолкнул.

Кровь. Тёплая. Липкая. Окончательная.

Материнский крик разорвал тишину.

— Что ты наделал?!

Она рухнула на колени, вырвав тело из его рук. Её пальцы скользили по лицу, смазывая кровь по бледной коже.

— Ана, я не...

Пощёчина обожгла щёку. Потом вторая. Третья.

— Ты убил его! СВОЕГО БРАТА!

Каждое слово било больнее ударов. Каин прикрыл лицо руками, чувствуя, как по пальцам стекает что-то тёплое — слёзы? Кровь?

— Я не хотел! Он сломал...

— БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ! — Мать вцепилась в его волосы, трясая как щепку. — ЛУЧШЕ Б ТЫ ТЫСЯЧУ РАЗ УМЕР САМ!

Отец стоял поодаль. Его лицо было отрешённым и чужим — страшнее всего, что Каин видел.

— Уйди, — прошептал он. — И никогда не возвращайся.

Он побежал. Бежал от криков матери. От безмолвия отца. От тела у ручья. Но больше всего — от себя. Пока ноги не перестали слушаться. А когда очнулся — вокруг была пустыня. Он плакал, и слёзы оставляли солёные дорожки на пересохшей коже.

Неожиданно тьма расступилась.

Он ощутил Его. Создателя. Не видел. Но чувствовал. Свет, пронизывающий до глубин. Голос, вместивший всю скорбь мира:

— КАИН...

Одно слово. В нём была бездна сострадания. Каин рухнул на колени.

— МНЕ ТАК ЖАЛЬ ТЕБЯ...

— О, создатель... за что? — голос дрожал, как одинокий колокольчик на ветру. — За что?!

Тьма сгущалась, но Присутствие оставалось — тёплое, как память о солнце.

— Я НАДЕЛИЛ ВАС ВОЛЕЙ... И ВОТ ЧТО ВЫШЛО...

Каин чувствовал протянутые руки, но видел лишь ослепительное сияние.

— ТЫ НЕ ВИНОВАТ. ИДЁМ СО МНОЙ. Я ЗАБЕРУ ТЕБЯ ОБРАТНО В НЕБЫТИЕ.

Слова обволакивали. Каин устремился вперёд, коснулся

края мантии — и огонь пронзил его!

— НЕТ! — голос прозвучал с болью. — НЕ ПРИКАСАЙСЯ!

Каин отпрянул.

— Но как же я буду рядом с Тобой?! — крикнул он. — Я хочу, чтобы Ты прикоснулся ко мне... а я даже взглянуть не могу?!

Тишина. Потом — вздох.

— МЫ РАЗНЫ.

— Мне нет места среди света, — прошептал Каин. — Мой удел — тьма. Да, Отец?

— ТЫ УЖЕ РЕШИЛ ВСЁ ЗА СЕБЯ.

Голос дрожал.

— Да. Единственное место, которое мне подходит — недра Земли. Где кипит огонь. Где нет никого, кроме предателей. Пусть первого убийцу поглотит первый грешник.

— ТЫ ОБРЕКАЕШЬ СЕБЯ НА ВЕЧНЫЕ МУКИ.

— Я знаю.

— КОГДА ТЫ ПРОЙДЁШЬ ВРАТА... ТЫ СТАНЕШЬ ДЕМОНОМ. ПУТИ НАЗАД НЕ БУДЕТ.

Пауза.

— НО Я НЕ МОГУ ОТПУСТИТЬ ТЕБЯ СОВСЕМ БЕЗ НИЧЕГО...

Прикосновение. Лёгкое, как дуновение. Пальцы коснулись волос. Там, где Он провёл рукой, остались белые пряди.

— НОР СОПРОВОДИТ ТЕБЯ... ПРОЩАЙ, КАИН...

Присутствие исчезло. Навсегда.

Каин упал на колени, сжимая белые пряди.

— Спасибо, Отец...

Слёзы капали на землю, оставляя чёрные дыры, будто даже они были слишком грешными для этого мира.

Прикосновение на плече. Нор — небесное существо с птичьим лицом и крыльями в пятнах — являлся проводником душ к Вратам Ада.

— Я провожу тебя к Малику.

Он схватил Каина — и внутри щёлкнуло — будто сломалась невидимая ось, на которой держался привычный порядок. Земля, деревья, свет — всё потеряло точку опоры. Боль. Голова раскалывалась. Он всё ещё был человеком.

— Ты слишком тяжёлый.

— Прости...

Тьма сгустилась. Нор исчез, а Каин стоял один. И вдруг — свет.

Малик. Архангел-страж с девятью крыльями абсолютной, не знающей оттенков белизны. Он был тем, кто отворял Врата в Ад. Путь был открыт только в одну сторону: вниз. Его взгляд не задержался на лице неожиданного гостя. Он смотрел сквозь, уже видя то, чем этот человек станет на дне.

— Желаешь ли ты проститься с воспоминаниями?

Каин замер. Забыть всё? Мамины слёзы. Папин взгляд. Кровь Авеля... Но и Его прикосновение.

— Нет.

— Ты жесток к себе.

Малик вытащил меч — и ворота разверзлись. Жар хлынул навстречу.

— Запомни: став духом, ты будешь чувствовать боль острее. Ты никогда не увидишь свет. Никогда не вернёшься. Ты отрекаешься от Бога — и остаёшься один.

Каин шагнул в пламя.

— Я не отрекаюсь от Бога. Я отрекаюсь от себя.

Второй шаг. Кожа почернела.

— Прощай, Малик...

Третий. Кости затрещали.

— Прощай, свет...

Ад принял его.

Последний свет — белые крылья в дыму. Врата захлопнулись.

Потом — боль. Распад. Он сгорел. Кожа, мышцы, кости — всё обратилось в пепел... и в мгновение восстановилось. Но он не умер. Он остался.

Дух с обожжённой кожей. Он трогал себя — и чувствовал. Запах горелой плоти — своей плоти. Его вырвало чёрной слизью. И это не принесло облегчения. Тело снова восстановилось, и последовал очередной цикл разрушения.

Он стал безумцем. Демоном, ищущим муки, чтобы заглушить вину. Рвал себя, жёг, резал. С каждым разом — больше.

Однажды, когда он лежал в луже своей крови, раздались

шаги.

— **Кто ты, безумный?** — низкий голос. — **Я тебя не знаю.**

Каин вскочил. Раны исчезли. Перед ним стоял Он. Высокий. Статный. Смертельно красивый. Длинные чёрные волосы. Два глаза — один чёрный, другой серый.

— А ты кто?

— **Я тот, кто правит здесь. Я — ЛЮЦИФЕР. Кто ты?**

— Каин...

— **Души, что здесь — падшие ангелы. А если я не почувствовал тебя... значит, у тебя нет Кастиса.**

— Что такое кастис?

Пауза. Потом — смех. Громкий. Истеричный.

— **Неужели?! Первый клиент прибыл так скоро!** — Он запрокинул голову. — **Да, Старик, а я ведь говорил! Я выиграю!**

— Что это значит? — прошипел Каин.

Люцифер замолк. Его глаза сверлили.

— **Ты... первый убийца. Первый проклятый. Ты — мой первый настоящий человеческий грешник.**

У Каина перехватило дыхание. В висках застучала кровь, заглушая любой другой звук, будто само это место вдруг обратило на него внимание.

— **Ооо, моё царство реагирует на твоё настроение!**

Мрак вспыхнул красным. Жар стал таким, что кровь Ка-

ина сварилась внутри.

— **Первому клиенту — особый почёт!** — кричал Люцифер, и его голос почти сорвался на крик. — **Я покажу тебе настоящий парк развлечений! Кровавый! Жуткий! Омерзительный!**

Его прекрасный, чарующий облик вдруг распался, как картина, написанная на воде. Перед Каином предстали кости, обтянутые обугленной кожей, гниющая плоть, сочащаяся тёмно-зелёной слизью, и два безумных, горящих глаза.

Смрад гниения, жжёной плоти и полного разложения ударил в нос.

— **Я всем вам покажу, что значит иметь собственную волю!** — он развёл руки в театральном жесте, и пространство вокруг Каина вспыхнуло, сплетаясь в тяжёлые, дымящиеся цепи.

Они звенели тонко и жалобно, словно стоны тысяч проклятых, и извивались в воздухе, как живые змеи.

— **Для начала я просто удавлю тебя! Переломаю каждую косточку!**

Люцифер сжал кулаки — и цепи ринулись на Каина со свистом. Первый убийца инстинктивно зажмурился, ожидая агонии...

Но ничего не произошло. Цепи, едва коснувшись его кожи, рассыпались в мелкую чёрную пыль.

— **Что?** — Люцифер зарычал, и в его голосе впервые прозвучала неконтролируемая ярость. — **Почему?!**

Он взмахнул рукой снова — и вновь цепи, не успев сомкнуться, распались в ничто.

— **Нет!** — в бешенстве он ударил кулаком по пустоте, и весь ад запылал от этого удара. — **Почему ты не поддаёшься?!**

— Потому что я сам выбрал этот ад, — прозвучал спокойный, полный усталой решимости ответ.

И в тот же миг волосы Каина вспыхнули мягким, но нестерпимо ярким светом. Его лучи, чистые и жгучие, коснулись лица Люцифера.

Гул преисподней оборвался, уступив место звенящей пустоте. Люцифер медленно опустил руку. Его плоть, тысячелетиями мгновенно сраставшаяся по первому зову воли, дрогнула и отступила. Исцеления не было. Там, где должен был быть глаз, теперь зияла не рана, а чистый, не заживающий провал. Свет белых прядей выжег не ткань, а саму возможность регенерации. Адская материя просто не умела латать то, что несло на себе отпечаток Творца.

— **Он коснулся тебя...** — голос Повелителя Ада звучал почти истерически. — **Своими собственными руками. Не через посланника. Не через ангела. Лично!**

Каин не отвечал. Он просто стоял, и свет, исходивший от него, мягко освещал уродливые, искажённые очертания ада вокруг, заставляя тени дёргаться в странном, беспокойном танце.

Люцифер сделал шаг назад. Его когда-то ослепительно бе-

лые крылья, теперь покрытые язвами и шрамами, нервно подрагивали.

— **Ты даже не понимаешь, что это значит,** — прошипел он, и в его шёпоте сквозила невыразимая горечь. — **Я тысячелетия молил о... Нет. Нет, не может быть!**

Он резко встряхнул головой, словно отгоняя какую-то мучительную, навязчивую мысль. Когда он снова заговорил, в голосе не осталось истерики — только ледяная, смертельная ярость:

— **Убирайся с моих глаз. Иди в самые глубины. Разлагайся там. Мучай себя, сколько душе угодно. Но запомни...**

Его единственный оставшийся глаз вспыхнул чистым адским огнём.

— **Я найду способ смыть эту метку. И когда это случится, я заставлю тебя возлюбить нынешние муки. Ты будешь ползти по камням и молиться, чтобы я вернул тебе тот первый ад.**

Каин лишь усмехнулся, уже чувствуя, как реальность вокруг него начинает расплываться и терять очертания:

— **Найди этот способ и прекрати мои мучения, Люцифер...**

Преисподняя содрогнулась в последний раз, когда он исчез — не в ослепительной вспышке света, а в клубах густого чёрного дыма, перемешанного с золотистыми, угасающими искрами.

ГЛАВА 1. Элизиум

Холод пробирался под ткань, будто живая тень. Сырость. Каждое движение отзывалось в теле глухим скрежетом, будто кости терлись о металл. Дышать было трудно. Или просто нечем. Стены кельи — узкой, без окон — словно сжимались, вытягивая из неё воздух... Сквозь отчаяние и одиночество пробилось чужое дыхание. Над ней склонился размытый силуэт.

— Ты слышишь, дитя? Назови своё имя!

Почему его пальцы дрожат, едва касаясь её стопы? Боятся?

— Моё... имя? — девушка отодвинулась к изголовью, впиваясь ногтями в гладкий металлический поручень кровати. Взгляд незнакомца прожигает кожу. Что-то щемит у неё в груди — не страх, а... будто стыд. Непонятно.

— Имя! Требую! — его голос вгрызается в тишину.

— Имя? Моё? Меня зовут... Я... Она... — голос предательски дрожит.

— Вспоминай! — он уже на грани. Он сглотнул, но это не помогло: слова вырвались сдавленным, мокрым хрипом.

— Моё... её имя...

— Говори!!! — рык, от которого стынет в жилах кровь.

— Санджана! Я Санджана Абени! — выдыхает она, и губы сами вытанцовывают странное и сложное имя: — Санджана Абени Линдаив! Абени... А-бе-ни... — бормочет девушка,

как заклинание.

— Что за дьявольщина?! — он бьёт кулаком в стену. — Твоё имя другое! Настоящее! Говори!

Тишина. Густая, как патока. Но она не знала ответа. Зачем вообще имя? Разве недостаточно просто... быть? И почему она не выдумала «Анну» или «Монику»? Почему такое сложное имя?

— Значит, ничего не помнишь? — его шёпот режет тоньше лезвия.

Где-то под рёбрами — укол. Она свернулась калачиком, укрылась одеялом — хлипким щитом от его взгляда, полного боли. А внутри — вина. Чужое, тяжёлое, леденящее чувство. За что?

— Почему я вижу только ваши глаза? Где тело?

— Слишком много вопросов, — безжизненно бросает он, садясь на край кровати.

— Я... плохая? — звучит по-детски наивно, но его сердце сжимается.

— Нет. Ты — новорождённая. Выходи из раковины!

Одним движением он срывает одеяло. Перед ним — девушка, прижавшаяся к спинке кровати. Колени к груди, пальцы вцепились в волосы, веки плотно сомкнуты. Кожа блее больничных простыней, а каштановые волосы — словно тропические лианы — рассыпались по плечам, касаясь матраса неестественной длиной.

— Взгляни на меня! — требует он.

Девушка приподнялась на локтях, и простыня соскользнула, обнажив плечи — бледные, словно выточенные из лунного мрамора. Каждое движение было неестественно плавным, будто её суставы скользили на смазанных шарнирах. Даже сейчас, в больничном халате, намеренно мешковатом, в ней чувствовалась странная гармония — как у хищницы, затаившейся в обличье газели.

— Вы смотрите, как коллекционер на редкую бабочку, — её голос прозвучал с лёгкой хрипотцой.

— Не бабочку, — поправил он, замечая, как её пальцы бессознательно плетут узор в воздухе — сложный, как мандала. — Химеру.

Она улыбнулась, и это было подобно вспышке полярного сияния в операционной — прекрасно, но не к месту.

— Не трогай шторы, — предупредил он, но было поздно.

Солнечный луч упал на её лицо, и он замер. Кожа не просто белая — фарфоровая, полупрозрачная, с голубоватыми прожилками у висков. Но главное — глаза. При свете дня фиалковый оттенок сменился глубоким аметистовым, с золотистыми искрами вокруг зрачков. Как у кошки. Как у существа, не совсем принадлежащего этому миру.

Он не знал её. Точнее, не знал это лицо. На правой щеке, пересекая глаз, тянулся тонкий, почти изящный шрам. Току помнил, как появился этот шрам. Своими руками он зашивал рваную рану тогда. Кожный степлер, скобы, кровь, которая не хотела останавливаться. Он тогда подумал: «Бу-

дет уродливо». Но ошибся. Шрам не уродовал. Он делал её лицо... живым.

— Единственное, что осталось от той ночи, — пробормотал он, и его пальцы сами потянулись к её щеке. Джана отшатнулась.

— Не трогайте.

Току отдёргнул руку, как от огня. В её голосе не было страха. Только холод. Такой же, как у него самого.

Её взгляд скользнул по его лицу.

— Кто вы?

— Току Фергюссон. — Он помолчал. — Я тот, кто вытаскивал тебя с того света. Ты была в коме пять лет.

Девушка медленно опустилась на кровать. Пять лет. Она не помнила ничего.

Место, приютившее Джану на долгие пять лет, было клиникой «Элизиум», которая дышала призраками. Всюду — в позолоте рамок, в складках штор, в трещинах мраморного пола — жила она. Малисса Фергюссон. Её портреты висели на каждой стене. Даже воздух был пропитан ею: аромат жасминового масла, которое она любила, смешивался с запахом ландыша и антисептиков.

— Ты сегодня пропустила процедуру, — Току вошёл без стука, держа в руках чашку с дымящимся чаем. Всегда чай. Малиссин рецепт: ромашка, мята, капля мёда.

— Я не она, — Джана отвернулась к окну.

— Но могла бы стать лучше. У тебя нет её аритмии. Нет...

слабости. — Он поставил чашку на стол. — Ты высокая и крепкая.

Она не пила. Чай был частью ритуала, как и всё здесь. Каждую ночь Току приходил рассказывать о Малиссе: как она пела колыбельные без слов, как боялась грозы, как мечтала стать врачом. «Как умерла», — не говорил он, но Джана видела это в его глазах. Скорбь и тоску.

Малисса. Как же Джана устала от неё. Но каждый раз любовалась ею на портрете в холле. Она — как первый луч, разрезающий предрассветный туман: хрупкая, но неумолимая. Её короткие густые волосы — сплетение солнечных нитей, сотканных из пшеничных полей и паутинок инея. Глаза — два артезианских озера, а в улыбке — поздняя весна. Она несла в себе парадокс: детская мягкость линий и древняя глубина взора. Загадка, которую хочется разгадывать вечно.

Отец боготворил её. Это было похоже на одержимость.

Каждую неделю он вводил сыворотку в вену Джаны. Игла жгла огнём, и жидкость цвета лунной пыли растекалась по её сосудам, выжигая границы между «я» и «она».

— Сегодня ты увидишь её сны, — прошептал он. Это была уже 261-я инъекция.

Джана впиалась пальцами в край кушетки. Внутри что-то надломилось — хруст ломающейся ветви, треск разрываемой ткани. Сон поглотил её, как воронка: клиника, превратившаяся в живой лабиринт из пульсирующих стен, двери — рёбра, хлопающие в такт чьему-то тяжёлому дыханию. Она

бежала, прижимая к груди свёрток — плач ребёнка бился в её рёбрах, как птица в клетке.

«Вернись», — кричал за спиной голос, знакомый и чуждый. Оглянулась — силуэт в ослепительном сиянии, словно солнце, пожирающее тьму. Свет обжёг глаза. «Ты должна вернуться»!

Пробуждение ударило, как нож в рёбра. Току навис над ней, его тень пожирала потолок.

— Меня это утомляет, — прошипел он. — Сколько ресурсов, сколько крови я потратил, чтобы вырвать её из небытия. А ты... упираешься, как скотина на убое!

Джана вырвалась, спина ударилась о стену.

— Я — Санджана! — её голос сорвался в крик. — У меня была жизнь до вас! Семья! Хватит издеваться над моим телом!

— Я не издеваюсь над твоим телом, малышка. Посмотри, как я восстановил твои атрофированные мышцы!

— Где моя семья? — она почти плакала.

— Семья? — Току противно засмеялся. — Я и есть твоя единственная семья! Я тебя создал! Игрушка... Собранный из моего отчаяния и... тела Малиссы и её нерождённого ребёнка! Ты — сосуд. Её душа, её разум... моя надежда. А «Джана»... — он брезгливо протянул каждое слово, — ...просто пробка, которую я вырву.

Она вскочила, влажные волосы раскидались почти до бедер. Её голос дрожал.

— Я не пробка! Человек - я!

— Человек, говоришь? Где они, Джана? Твоя семья? Твои детские игрушки? Твои документы? Ты существуешь только здесь. За пределами «Элизиума» тебя нет!

Джана не заметила, как в палату ворвались охранники. Когда они вцепились в её руки, девушка неестественно выгнулась, и в этот момент что-то внутри щёлкнуло. Воздух вздрогнул. Первый охранник рухнул, даже не поняв, что случилось: её локоть со свистом врезался ему в горло, нога, будто сама собой, выписала дугу, сломав колено второму. Тело двигалось само, будто вспоминало то, чего никогда не учило.

— Остановите её! — заорал Току, но было поздно.

Джана рванула к окну. Стекло разбилось от удара её кулака, осколки сверкнули под луной. Решётки отлетели. Пятый этаж. Асфальт внизу. Сердце замерло на долю секунды — и тогда она прыгнула.

Ветер завыл в ушах. Время замедлилось. Она вытянула руки и падающей звездой приземлилась на корточки, а треснувший под ней бетон вырисовал паутину.

— Не... возможно... — прошипел Току, высунувшись из разбитого окна.

Джана вскочила, сбрасывая с рук остатки стекла, вырывая катетеры из вен. Она посмотрела вверх прямо в глаза Току Фергюссона.

— *Передай Князю Тьмы,* — крикнула она каким-то чужим низким голосом, — *я не вернусь!*

Джана бежала, запрокинув лицо к небу. Воздух, напоённый ароматом мокрой сирени и молодой травы, обжигал лёгкие — так сладко, так больно, будто она впервые училась дышать. Шрам, пересекавший лицо, покалывал на ветру, напоминая о клинике, о Току, о тысячах часов под капельницами.

— Свобода, — прошептала она, и слово рассыпалось в смехе, горьком и лёгком.

Она шагнула вперёд, в облако лепестков, сорванных с яблони. Они кружились вокруг, как звёзды, решившие упасть ради неё.

Она побежала. Ноги сами несли её на Восток. Возможно, к тому, кто звал её во снах или наоборот, от него.

ГЛАВА 2. Сын

— Долго ещё?

— Час, господин.

Джэлил откинулся на кожаную спинку сиденья. Машина была хороша — длинная, низкая, быстрая. Но и в ней его ноги упирались в торпеду, а голова почти касалась потолка. Он был слишком велик для этого мира. Даже для его машин.

— Лживая тварь! — воскликнул он. — Надеюсь, ты в аду, Малисса!

Николай был личным камердинером Джэлила Теовиля с его рождения, и он не привык, что его господин говорит так громко и грубо. Это было неожиданно.

Машина замерла перед строением, словно сама отказа-

лась приближаться. Здание гнило под солнцем — осыпаящаяся штукатурка, крыша, проглоченная временем, пустые глазницы окон. Дверной проем зиял, как рана, прикрытая доской, изъеденной плесенью.

— Мавзолей для живых, — прошептал Джэлил, ощущая, как жалость пробивается сквозь броню гнева.

Когда Джэлил вышел, машина съёжилась. Низкое чёрное купе, которое минуту назад казалось хищным зверем, теперь припало к земле, едва доставая ему до пояса. Он стоял над ней, как повелитель над провинившейся гончей. Не наклонялся. Не оглядывался. Просто пошёл вперёд, и железо само собой закрыло за ним дверь, не смея напоминать о себе.

Грохот. Доска рухнула, и в проёме возник силуэт — высохшая фигура в длинном платье, струившемся по земле кровавой тканью. Жара плавил воздух, но женщина, казалось, несла в себе арктический холод.

— Двадцать четыре ребра, — Николай подавил дрожь. — Скелет, обтянутый кожей.

Лиллит шагнула вперёд, спотыкаясь о собственную ненависть. Её лицо, когда-то прекрасное, теперь напоминало потрескавшуюся фарфоровую маску. Глаза — узкие щели алого огня — прожигали Джэдила:

— Нашёл! Зачем? Тебе же не нужен этот уродец! — её голос шипел. — Откуда? Откуда ты узнал о нём?

— Где он? — Джэлил двинулся к ней.

— Убью! — выкрикнула она, исчезая в темноте.

Лиллит метнулась в темноту лестницы. Джэлил — за ней. Он не привык бегать за кем-то. Но сейчас иного выхода для него не было. Не было времени.

Ступени крошились под ногами, словно кости давно умерших существ. Первый пролёт — она ещё была в пределах досягаемости, подол платья скользил по перилам. Второй — Джэлил перескакивал через три ступени, хватая воздух рваными глотками. На площадке между вторым и третьим он почти настиг её. Пальцы уцепились за край платья — ткань рассыпалась в прах, оставив в ладони лишь горсть тлена. Лиллит взвизгнула и рванула выше.

Третий этаж встретил их смрадом и плесенью. Лестница кончилась. Впереди — узкий коридор и одна-единственная дверь в конце. Джэлил бросился следом, но Лиллит уже влетела внутрь, захлопнув дверь перед его носом. Удар плечом — и доски разлетелись в щепки.

Комната. Мрак, пахнувший гнилой плотью.

Лиллит металась, как загнанная в угол гиена. На столе в углу лежали десятки рисунков — лицо Джэлила, точное до каждой морщинки. Пять лет инъекций, демонических ритуалов, внушений — а этот мальчишка всё рисовал его. Молча. С любовью, которой её собственная душа давно истлела.

— Нет... Нет-нет-нет! — Лиллит зашипела, хватая мальчика за руку. Её ногти впились в кожу, оставляя синяки. — Ты не готов! Ещё не время! Как он узнал? Ты должен был стать его кошмаром, а не... не этим!

Лиллит отшвырнула ребёнка в угол, в тот момент, когда Джэлил ворвался в комнату. Его взгляд скользнул по рисункам — и на миг что-то дрогнуло в каменном взоре. Лиллит судорожно пыталась спрятать ребенка под затхлым одеялом. Она готовилась провести ритуал перемещения, но не успела.

— Где он? — голос Джэдила дрожал от ярости.

Лиллит заслонила угол, смеясь — высоко, истерично. Платье, лишённое магии, осыпалось с неё тряпьем.

— Ты опоздал! Он мой! Синрик...

Джэлил оттолкнул её взмахом руки. Она театрально ударилась о стену, и комната наполнилась звуком ломающихся костей.

Джэлил отбросил покрывало. Мальчик лет пяти сидел на полу, опустив кудрявую голову. Он дорисовывал прядь волос на портрете. Джэлил замер, увидев собственные глаза на бумаге — даже тень печали в них была передана. Даже его двухцветные глаза.

— Николай! — позвал Джэлил, и камердинер материализовался из ниоткуда. Но то был уже не он. Осанка распрямылась, морщины стали шрамами, взгляд — лезвием. Соул. Единственный, кому позволено носить лицо слуги, когда Господину нужна не прислуга, а клинок.

— Господин...

Лиллит захохотала, вытирая кровь с губ:

— Посмотри на своё отражение, святоша! Ты думаешь, он любит тебя! Он станет твоей погибелью!

Джэлил наклонился и взял ребенка за подбородок. Мальчик впервые поднял на него взгляд — огромные чёрные глаза смотрели на отца с нежностью.

Воздух вырвался из лёгких Джэлила. Рисунки взлетели, закружившись в вихре. Лиллит, цепляясь за стену, выла:

— Нет! Он должен был ненавидеть! Должен был...

Она рванулась к окну, однако виски Джэлила вспыхнули кровавым светом. Рунические сенсоры вплелись в кожу, разрезая воздух треском статики. Из вспышки материализовались двое — Сеной и Сансиной, однокрылые ангелы 1-го легиона. Их единственные крылья взметнулись в боевой готовности.

— Во имя Теовиля, — голоса ангелов слились в гул.

Сансиной вонзил кинжал ей в горло. Руны вспыхнули, сжигая магию в её жилах. Лиллит взвыла, рванула цепи — те впились в плоть, шипя. Ангелы взлетели, волоча её в чернеющий портал.

Джэлил не дрогнул. Сенсоры на висках погасли, а здание вспыхнуло.

Соул взял на руки мальчика, и все вместе они поспешили к выходу.

Когда они покинули пристанище Лиллит, всё здание пылало.

Поспешно сев в машину, они покинули это Богом забытое место. На заднем сидении спал мальчик. Сын Джэлила. Привет из прошлого от Малиссы.

Джэлил смотрел на спящего сына и вдруг осознал: он не помнит, когда в последний раз кто-то смотрел на него без страха. Без трепета. Без расчёта. Малисса смотрела с обожанием — это было не то. Арэй — с виной. Ангелы — с холодным долгом. А этот смотрел с нежностью. Тот, кого он даже не знал. Тот, кого он не растил, не защищал, не искал пять лет. Смотрел как на чудо.

— Как тебя зовут? — спросил Джэлил тихо.

Мальчик открыл глаза, но ответа не последовало.

— Синрик, — ответил за него Николай. — Она назвала его Синрик.

ГЛАВА 3. Сварог

Они ступили за порог, ещё не стряхнув с себя тяжёлую пыль недавних испытаний, но дом Теовилей не оставил им ни мгновения покоя. Сумерки уже легли на крыши, однако огромная резиденция дышала лихорадочно, напряжённо. Всюду стояли люди. Бледные лица, сбивчивое дыхание, обрывки шёпота, что замирали на полуслове: паника висела в воздухе, осязаемая и безмолвная. Джэлил не позволил себе дрогнуть. Подавив внутреннюю бурю, он коротко, почти беззвучно кивнул Соулу: «Уведи его. Тихо». Мальчик растворился в тени колонн, а сам Джэлил, ступая медленно, но неуклонно, пошёл вперёд — навстречу тому, что ещё не имело имени, но уже давило на плечи. И тут из сгустившейся полутьмы выступил Арэй. Его отец сделал первый шаг.

— Джэлил, — голос его дрожал. — Сварог... вернулся... весь в крови... и тащит с собой какого-то человека! Там на заднем дворе...

Джэлил не ответил. Шаги сами ускорились, мантия хлестала по бедрам. Двор встретил его лунным светом, превратившим мраморные плиты в ледяное озеро. И на этом озере — алая роспись. Крови было столько, что в ночи она казалась чёрной. Джэлил уже знал — случилось нечто непоправимое. Величественный снежный барс, гордость и символ их рода, лежал на боку, тяжело и прерывисто дыша. Его серая, дымчатая шерсть, всегда ухоженная и густая, была спутана, испачкана землёй и кровью. По всему телу зияли раны — глубокие, будто его рвало когтями и клыками что-то огромное и яростное. Но самое ужасное — морда. Глубокий порез пересекал её от уха почти до пасти, будто кто-то пытался одним ударом раскрыть могучую голову.

— Нет... — прошептал Джэлил.

Он бросился к зверю, не думая о крови, о грязи. Упал на колени перед ним, его дрожащие руки коснулись тёплой шерсти у уха. Между ним и его барсом была глубокая связь, и он чувствовал его боль как свою.

— Старик... что с тобой? Кто?

Сварог приоткрыл один глаз. Взгляд, обычно полный мудрого спокойствия и скрытой силы, теперь был затуманен болью. Но в глубине, в самой сердцевине этого взгляда, Джэлил увидел нечто большее. Не просто боль. Предупрежде-

ние. Ужас. Барс слабо, едва заметно ткнулся мокрым носом в его ладонь и издал хриплый, короткий звук. Затем, собрав последние силы, отполз в сторону, обнажив то, что лежало под его телом.

Джэлил замер.

На камнях, в луже запёкшейся крови, лежало тело человека.

Длинные спутанные волосы раскинулись вокруг головы, словно чёрный нимб. Лица не было видно — оно скрывалось в тени и кровоподтёках. Одежда висела клочьями, открывая бледную, почти фарфоровую кожу. На теле цвёл ужасный сад из ссадин, синяков и глубоких, всё ещё сочащихся ран. Одна рука была неестественно вывернута, пальцы сжаты в судороге.

Но он дышал. Слабый, почти неосязаемый подъём груди выдавал в этом изувеченном теле упрямую, дикую волю к жизни.

«Как он прошёл?» — мысль резанула сознание. Сварог, теряя сознание, толкнул в его разум обрывок: «...ангелы не видели... прошёл сквозь...»

— Лекаря, срочно! — крикнул Джэлил, и его голос, низкий и властный, прокатился по двору. — Пий! Займись Сварогом! Если он умрёт... — он не договорил, но в его тоне повисла невысказанная угроза.

— А что делать с чужаком?

— Пий, ты властвуешь над любой жизнью в этих стенах.

Будь то человек, зверь или ангел. Решение за тобой.

Пока Пий и слуги в панике бросились выполнять приказы, Джэлил не отрывал взгляда от незнакомца. «Кто же ты? Как ты смог пройти сквозь наши границы, сквозь охраняемые чащи, сквозь небесные дозоры однокрылых? Что за тень гналась за тобой, что даже Сварог принял бой?»

Кровь стучала в его висках, холодное предчувствие сжимало горло. Это не случайность. Не просто раненый путник. Его появление здесь, в эту ночь, когда он нашёл своего наследника, который считался мёртвым уже пять лет... это было знаком.

— Не спускать с него глаз, — тихо приказал он ближайшему стражнику. — Ни на мгновение.

— Это женщина, сын, — услышал он удивлённый голос Арэя.

Когда тело уносили в лазарет, Джэлил поднял голову к небу. Звёзды холодно мигали в чёрной бездне, равнодушные к земным страданиям.

— Это твоя воля? — прошептал он в ночь. — Новое испытание? Или... расплата за всё то, что Наместник твой не смог защитить?

Конечно же, ответа он не получил. Впрочем, как и всегда.

ГЛАВА 4. Белая комната

Возвращение в реальность давалось тяжело. Сознание всплывало из глубин, медленно пробиваясь сквозь ледяную

толщю забытья. В висках глухо пульсировала боль, а тело казалось отлитым из тяжёлого, неподъёмного свинца. Резкий свет, хлынувший сквозь сомкнутые веки, обжёг зрение, и на долю секунды мир сжался до одной точки: снова та стерильная палата. Снова едкий запах антисептика. Снова чужие, холодные руки, безжалостно вгоняющие иглу в вену.

Но вместо них — другие глаза. Два холодных опала сверлили её взглядом.

— Ну, слава богу... вы вернулись.

Голос врача прозвучал издалека. Мягко. Осторожно. Джана перевела взгляд. Белый халат. Янтарные глаза. Складка у рта — будто пытается улыбнуться, но не решается.

— Как вы себя чувствуете?

— Лицо... горит. — Она не моргнула. — Это... нормально?

Пий поправил стетоскоп.

— Для вас — да. Переломов нет, внутренние органы в порядке. Лишь ушибы и порезы. Повезло.

— Я просто вижу ваши руки, вы старались.

Мысли путались, скользили. Тигр. Белый, огромный. Нет, не тигр. Барс...

— Он спас меня... — вырвалось у неё вдруг.

— От кого?!

Голос прозвучал не громко. Точно. Как стрела в цель. Джана сжалась. Он. Тот, чей взгляд выжег в ней всё лишнее.

— Не увидела. Только... тяжесть в воздухе. И запах.

— Какой?

Пальцы сомкнулись на воротнике пижамы. Не рывок. Давление. Медленное. Неотвратимое. Ткань натянулась. Воздух кончился.

— Гнили, — выдохнула она. — И... его страх.

— Ложь.

Сказанное без повышения тона, оно выбило из неё последний остаток воздуха.

— Господин! Отпустите её! — голос Пия дрогнул от ужаса.

Но Джэлил не слышал. Перед ним была лишь она — это дрожащее, окровавленное существо, от которого веяло странной смесью растерянности, адреналина и силы. Омерзение подкатило к горлу, сдавив желудок тошнотой. «Как она здесь оказалась? Кто посмел ранить Сварога? Почему не сработала защита?» Снова эти вопросы. Страх. Да, именно страх. Во второй раз в жизни.

— Привести её в порядок, — бросил он сквозь зубы.

Разворот. Дверь захлопнулась.

Пий остался стоять, не смея вдохнуть. Он знал аксиомы: Джэлил Теовиль не кричит. Джэлил Теовиль не теряет контроль. Но только что он сделал всё это сразу.

Вода смывала грязь, но не могла смыть ощущение его взгляда — того, что прожигал насквозь. Джэлил. Даже имя, выловленное из обрывков разговоров вокруг, обжигало. Тихий стук в дверь вернул её в реальность.

— Ваши вещи, хиватла. Господин ждёт.

Она улыбнулась краем губ, но улыбка получилась кривой, почти хищной, и служанка вздрогнула, торопливо выходя.

На стуле аккуратно лежала её пижама — выстиранная, заштопанная, укоряющая своей опрятностью.

Она стояла у края фонтана. Мокрая. Босая. Шрам на лице уже не казался раной — он стал частью лица, как родинки или алые губы. Джэлил смотрел. Слишком долго. Пальцы сжались. Не в кулак. В замок.

— Ваша тишина, — сказала она первой. Голос был плоским. Без интонации. — Она давит. Как вода. Зачем вы её носите?

Он не ответил. Шагнул вперёд. Тень легла на её плечи.

— Вы... — Он остановился. Голос дрогнул. — Вы смотрите, будто ждёте удара. А мы ждём благодарности.

Она подняла глаза. Аметистовые. С золотом у зрачков.

— Благодарность — для тех, кто помнит, что такое «до». Я помню только «после».

— Кто вы?

— Санджана. Или Джана. Не важно.

Он сделал ещё шаг.

— Вы пересекли границу. Объяснитесь.

— Меня выкинули. Барс остановил. Больше ничего нет.

— Вы останетесь. Пока мы не решим иначе.

— Узница? — Он кивнул.

— Именно.

Она улыбнулась. Не губами. Глазами.

— Хорошо. Стены крепкие. Тюремщик — молчаливый.

Я останусь.

— Николай! Отведи её в Белую комнату! Мы должны подумать, что с ней делать. Пусть пока окрепнет...

Белая комната. Так называл её хозяин дома. Здесь не было ни единого цветового пятна: ни на стенах, ни на потолке, ни даже на дверной ручке. Этот белый не успокаивал. Он стирал. Растворял границы, память, само течение времени.

Джана вошла и села на край кровати. Провела пальцем по шраму. Ткань под кожей была бугристой, но живой. «Почему он смотрел так?»

В ответ — только тишина и глухой стук собственного сердца.

В это же время, в другом крыле резиденции, Джэлил стоял перед зеркалом. Мантия сброшена. Лицо обнажено, без привычной маски Наместника. Вода из серебряной чаши стекала по его рукам, смывая дорожную пыль, запах чужой крови и навязчивый отзвук её слов. Он ждал часа Пургато. Не как исполнения долга. Как единственного доступного лекарства. Как способа выжечь из памяти её образ и заглушить эхо, которое всё ещё звенело в пустоте.

ГЛАВА 5. Ребёнок в доме

Синрик переступил порог резиденции Теовилей не как ребёнок, а как инородное тело, попавшее в стерильную рану.

Уже на второй день коридоры огласились криками — дикими, нечеловеческими, от которых стыла кровь. Он бился о стены, царапал лицо до мяса, выл, будто его жгли заживо. И замолкал. Мгновенно. Абсолютно. Стоило в дверях появиться силуэту Джэлила.

Няни не выдерживали. Шестая по счёту лишилась части уха — мальчик откусил её без злобы, как автомат, когда женщина попыталась его обнять.

По ночам он сползал с кровати и забивался в угол. Утром его находили скрюченным, с синими губами, в луже собственной мочи. Он не спал. Он просто лежал с открытыми, немигающими глазами, глядя в стену, и ждал. Чего — никто не знал.

Джэлил находил его по ночам у своей двери. Мальчик не мог открыть тяжёлые дубовые створки, поэтому полз по коридору, пока не упирался лбом в холодное дерево. Там он сворачивался калачиком и затихал.

Джэлил перешагивал через него.

Ни разу не замедлил шаг. Ни разу не посмотрел вниз. Это была броня Наместника. Но каждый перешагиваемый шаг давался ему дороже, чем он признался бы даже себе.

Арэй не мог этого выносить. Он подбирал внука, укутывал в плед и уносил обратно в детскую. Но на следующую ночь Синрик снова был там.

— Он ищет защиты, — сказал Арэй, и в его голосе была мольба. — Он не понимает, почему ты его отталкиваешь.

— Ему нечего искать в нас, — ответил Джэлил, не меняя позы. — Мы скоро решим его судьбу.

Арэй хотел возразить, но встретился взглядом с сыном и промолчал.

На восьмой день очередная няня не выдержала. Женщина выбежала из детской, сжимая окровавленную руку.

— Он укусил меня! Он бешеный!

Джэлил, оказавшийся в коридоре, замер. Служанка рухнула перед ним на колени.

— Господин, умоляю, отпустите меня. Я не могу больше. Он не человек. Он...

— Довольно, — оборвал её Джэлил. Голос был ровным, но в нём звякнула сталь. — Убирайтесь.

Она ушла. Следом за ней ушли ещё две.

Пий, осматривавший мальчика, обнаружил аномалию. Когда Синрик бился в припадке один, мониторы выдавали критически низкие показатели. Но стоило Джэлилу переступить порог — даже не прикоснуться, просто войти в комнату — стрелки ползли вверх. Пульс выравнивался. Давление стабилизировалось. Мальчик синхронизировался с отцом, заимствуя его ритм, будто невидимая пуповина связывала их дыхания.

Пий доложил. Джэлил выслушал, глядя в окно.

— Слабое сердце, — произнёс он. — От Малиссы. Ей тоже требовалось наше присутствие.

Он не добавил: «Жаль, что это её не спасло». Но Пий

услышал это в паузе.

В висках Джэлила запульсировали сенсоры. Не боль. Предупреждение. Он сжал челюсти, заставляя ледяной покой вернуться на место.

Николай пришёл к нему вечером.

— Господин, может быть... ему нужны не няни. Может, ему нужны... вы?

— Нет, — отрезал Джэлил. — Он не получит от нас ничего. Он чужой в этом доме. Игры Люцифера. Его можно наполнить тьмой и использовать против нашего рода.

Николай молчал. Он знал, что спорить бесполезно. Но он видел, как Синрик тянется к отцу, как замирает, когда Джэлил проходит мимо, как его пустые глаза на секунду оживают.

— Ты тоже начинаешь, — Джэлил резко обернулся. — Сначала Арэй, потом Пий, теперь ты. Все твердят: «Он ребёнок, он твоя кровь, смилуйся». А кто смилуется над ним, когда Люцифер явится за своей платой?

Джэлил шагнул вперёд, и в его глазах не было гнева — только бездна усталости.

— Мы — не отец. Мы — Наместник. Наша обязанность — решать, а не жалеть. Если вы не в силах это принять — убирайтесь вон. Все.

Николай опустил голову.

— Уйди, — тихо сказал Джэлил.

Камердинер неуклюже поклонился и вышел.

Джэлил остался один. Он стоял у окна, вцепившись побелевшими пальцами в подоконник. Где-то в другом крыле дома затихал очередной приступ — крики сменялись всхлипами, всхлипы — тишиной. Он знал это. Не потому что слышал. Просто знал.

А затем — ничего.

Просто тишина.

Джана прибыла одновременно с Синриком. И с тех пор о ней не было ни слуху ни духу. Она не выходила из Белой комнаты. Не стучала. Не звала. Не пыталась бежать.

Ничего.

В доме, где каждый угол вибрировал от хаоса мальчика, эта абсолютная, беспробудная тишина незнакомки давила сильнее любого крика. Она не просто молчала. Она высасывала звук из пространства.

«Она ждёт», — понял Джэлил, чувствуя, как эта мысль вгрызается в сознание.

Один заполнял дом хаосом. Другая — вакуумом. И обе эти крайности медленно, методично разрушали его контроль.

ГЛАВА 6. Рождение Наместника

Не было крика.

Ни младенца, ни матери.

Когда Джэлил появился на свет, в родовой палате повисла тишина, настолько неестественная, что воздух стал вязким,

как перед грозой. Повитуха, привыкшая к воплям и крови, выронила медный таз. Металл глухо ударился о каменный пол, но звук словно утонул в вате.

Младенец просто открыл глаза.

В этой сверхъестественной тишине не осталось места для человеческих условностей. Слуги опустились на колени, повинуясь древнему, животному инстинкту перед лицом непостижимого. Их губы беззвучно шевелились, выдыхая забытые гимны Тому, кого этот мир давно счёл мёртвым.

Месяц спустя, войдя в детскую, Николай застал Арэя стоящим на коленях у колыбели. Камердинер замер на пороге, чувствуя, как по спине ползёт холод.

— Господин...

Арэй медленно поднял лицо. В его глазах священный трепет смешивался с тихим, липким ужасом человека, осознавшего, какой ценой досталось это чудо.

— Взгляни, — прошептал он, и голос его дрогнул.

Николай приблизился, заглядывая в колыбель. В глазах младенца не было мутной, беспомощной пелены новорождённого. Радужки были рассечены по диагонали невидимым, идеальным лезвием. Левая половина — чёрная, выжженная пустота, поглотившая свет. Правая — кобальтовый шторм, в котором медленно, гипнотически вращались серебряные вихри.

Такие глаза в родословной встречались лишь дважды: у Теовиля, вылепленного из первозданного огня, и у самого

Падшего.

— Он видит их, — прошептал Арэй, не оборачиваясь. — И слышит.

Детство для него закончилось раньше, чем он научился говорить. Его кровь была слишком тяжёлой для игр, а разум — слишком острым для сказок. Пока другие дети строили замки из песка, он изучал архитектуру власти. Арэй, добровольно изгнавший себя в тень, наблюдал за сыном с медленно нарастающим страхом: мальчик не вырослел, он застывал. Шаг за шагом Джэлил превращался в нечто неумолимое: идеальное, как лезвие, и такое же холодное.

К тринадцати годам Джэлил перерос всех вокруг. В его чертах не было ничего мистического, только пугающая, стерильная гармония. Высокий, с кожей, сквозь которую проступали голубые жилки, и тёмными, как смоль, волосами. Находиться рядом с ним было физически тяжело. Его взгляд не оценивал и не судил. Он просто констатировал факт твоего ничтожества перед чем-то гораздо более совершенным.

А на четырнадцатом году цена этой гармонии была уплачена сполна.

Это произошло ночью. Джэлил проснулся от жжения в висках. Он подошёл к зеркалу и увидел, как под кожей проступают белые спирали. Они пульсировали в унисон с его сердцем, выжигая путь к мозгу. Сенсоры.

В глубине гиппокампа, среди извилин, созрел Кастис — двойной ковчег души. Джэлил почувствовал, как его тонкие,

невидимые нити обвилились вокруг сердца, словно перикард, отсекая всё лишнее.

В одно мгновение мир перестал быть тёплым. Он стал прозрачным.

Джэлил посмотрел на пламя свечи. Он больше не видел в нём уюта или красоты. Он видел температуру горения, расход кислорода и неизбежность энтропии. Никаких искажений. Никаких сомнений. Никаких эмоций. Он стал живым, дышащим зеркалом Теовиля. Первым за тысячелетия смертным, чья плоть смогла выдержать холодную, абсолютную механику небес.

Он знал цену этой чистоты. Историю рода он впитал не как сказку, а как предупреждение, выжженное в самой структуре его ДНК.

Он знал о Теовиле, предавшем Создателя ради хрупкой смертной Атрис. Он знал, как её тело не выдержало тяжести его крови. Он знал, как Теовиль, обезумев от горя, разорвал её чрево, чтобы вырвать кричащего сына, и рассыпался в прах. Не от божественной кары. От абсолютного, всепоглощающего отчаяния и чувства вины.

Но самое главное проклятие он носил в своей крови.

Женщины рода Теовилей не выживают после родов. Это не слабость плоти и не случайный сбой. Это вопрос абсолютной несовместимости.

Кровь их рода с самого начала несла в себе осколок первозданного пламени, из которого был сотворен сам Теовиль.

Смертное тело, сотканное из воды и органики, не способно вместить этот жар. Оно служит лишь временным инкубатором.

В тот миг, когда младенец делает первый вдох, пламя в его венах вспыхивает в полную силу. Материнское тело не выдерживает этой температуры. Оно выгорает изнутри, расходуя себя до последней клетки, чтобы поддержать жизнь наследника.

Мать Джэлила не стала исключением. Её сердце остановилось ровно в ту же секунду, когда он сделал свой первый, беззвучный вдох. Его жизнь началась с её конца. Без драмы. Без прощания. Просто обмен.

Джэлил стоял в центре Чёрной залы. Перед ним, в полумраке, висел единственный прижизненный портрет Люцифера. Падший смотрел на него в ответ, и в этом взгляде не было ни гнева, ни прощения. Только насмешка.

— Родился, — тихо произнёс Джэлил, и его голос, ровный и глубокий, эхом отразился от мраморных стен. — И теперь мы знаем, благословение это или проклятие.

В мире смертных его называли безупречным аристократом, чья империя простиралась от стерильных лабораторий до дымящихся фабрик. Но за этим фасадом скрывалась иная истина. Для Кукловодов — приспешников Люцифера, действующих среди людей, — он был не правителем и не Дьяволом. Он был Богом. Живым воплощением догмы, чьё редкое, мимолётное проявление эмоций способно было взды-

бить океаны и сжечь города.

— Ты должен быть сильнее всех, чтобы править ими, — говорил отец, и в его голосе звучала мольба, замаскированная под приказ.

— Мы есть сила, — отвечал Джэлил, и в его двухцветных глазах мерцали холодные звёзды.

Он не презирал звёзды. Он просто знал, что однажды они склонятся перед ним.

— Мы — не боги, — шептал Арэй, стоя в тени, как и положено тени.

Джэлил медленно повернулся. В его движениях не было резкости, только пугающая плавность.

— Нет, отец. Мы — бог. А вы... всего лишь те, кто боится признать, что небо опустело.

Его смех, когда-то изредка звеневший в коридорах, давно растворился в тишине резиденции. Теперь здесь царил только безупречный, стерильный порядок.

Лишь Николай, единственный, кто знал одну тайну Наместника. В огромном, безупречном доме не было ни одного портрета матери. Нигде.

У Джэлила был лишь холодный медальон на груди. В нём не было изображения. Только прядь волос, давно превратившаяся в прах, и неумолимая правда: его жизнь была куплена ценой её смерти. И иногда, глубокой ночью, когда он думал, что никто не видит, Наместник сжимал этот металл в кулаке так сильно, что острые грани впивались в плоть, оставляя

кровавые полумесяцы. Единственное, что Кастис не мог выжечь дотла.

ЛАВА 7. Жертва

Но до того, как Джэлил стал тем, кем ему было суждено, случилось нечто, рассёкшее его судьбу на «до» и «после».

Всё началось с первого взгляда месячного младенца.

В тот же миг в вышине дрогнул вселенский анабиоз. Ангелы, дремавшие тысячелетия, приоткрыли веки, почуяв знакомый ритм. Но сосуд был слишком мал для этого голоса. Узоры на висках остались гладкими. Связь оборвалась, не успев начаться. Мир замер. И наступило долгое, выжидательное молчание.

Годы шли. Джэлил всё больше напоминал Теовиля: те же резкие, точёные черты, тот же взгляд, от которого замирало дыхание. Спиралевидные сенсоры на висках проступали медленно, но ангелы по-прежнему хранили молчание.

И тогда в игру вступила высшая воля.

Отец Джэдила был наделён даром, возможно, самым тяжёлым из всех: он всегда принимал единственно верное решение. Какой бы страшной ни была его цена.

Однажды ночью Арэй увидел её — Ханию. Свою погибшую жену. Она стояла в ногах его постели, прозрачная, как предрассветный туман, и улыбалась той самой улыбкой, от которой когда-то таял его разум.

— Возьми, — прошептала она, протягивая клинок. — Это

для Джэлила.

Пробудившись, Арэй долго сидел в темноте, сжимая холодную рукоять, пока ногти не впились в ладонь до крови. Он понимал, что должен сделать. Его дар не оставлял иллюзий. Но душа рвалась на части, сопротивляясь логике судьбы.

— Я не Авраам, Господи... — выдохнул он в пустоту.

Ответа не последовало. Как и всегда.

Арэй вошёл в комнату сына. Луна серебрила высокое окно. Джэлил спал, и лицо его было безмятежным. Арэй смотрел секунду. Вечность.

Лезвие скользнуло вниз. Быстро. Точно.

Джэлил не вскрикнул. Он просто открыл глаза.

В этом взгляде не было детского испуга. Там застыл немой вопрос. И предательство, мгновенно кристаллизующееся в ледяную ненависть.

В этот миг Арэй перестал существовать как человек. Внутри него рушился мир, но тело не слушалось разума. Оно действовало с холодной, механической безжалостностью, продиктованной высшей необходимостью. Рука, сжимавшая рукоять, стала чужой.

«Прости меня... прости...» — эта мысль билась в черепе, но лезвие шло глубже.

Он почувствовал, как живая плоть поддалась, и хлынула кровь. Тёплая. Густая. Она залила пальцы, рукава, наполнила комнату медным запахом. И вместе с ней из Арэя уходило

всё, что делало его отцом.

Но Джэлил не умер.

Кровь на его шее перестала течь. Рана начала затягиваться тонкой, перламутровой плёнкой, вытесняя смерть. Джэлил медленно поднял глаза и замер.

Комната исчезла. Перед ним стояла Ночь.

Создатель явился не в облике, а в ощущении. Не тьма, но сама Ночь: бархатная, звёздная, дышащая. Мантия из чёрного шёлка, в которую были вплетены созвездия, мягко колыбалась в безвоздушном пространстве.

«Не смотри в лицо», — шепнул древний инстинкт.

Но Джэлил посмотрел.

И увидел всё сразу: горные хребты, рождающиеся за секунду; океаны, выкипающие в одном выдохе; галактики, танцующие на ладони. Это было слишком. И катастрофически недостаточно.

— ДЖЭЛИЛ, — произнесло Небо. Голос звучал не как звук, а как вибрация, сотрясающая саму структуру реальности.

Он не мог ответить. В горле стоял ком по чему-то, чего он никогда не знал, но теперь терял.

— ТЫ СПРАШИВАЕШЬ, ПОЧЕМУ? — звёзды в мантии вспыхнули ослепительным светом. — ПОТОМУ ЧТО ТАК БЫЛО СУЖДЕНО. ТЫ ЕДИНСТВЕННЫЙ, КТО ЛИШЁН ПРАВА НА ВЫБОР.

Джэлил сглотнул, чувствуя, как перламутровая плёнка на

шее окончательно стягивает плоть.

— Ему ты дал волю. А нас принёс в жертву.

— ОН ЛЮБИТ ТЕБЯ, — тихо отозвалось Небо, и в этом шёпоте прозвучала бесконечная печаль. — НАСТОЛЬКО, ЧТО ГОТОВ СТАТЬ МОНСТРОМ, ЛИШЬ БЫ У ТЕБЯ БЫЛ ШАНС.

Внезапно Джэлил ощутил это не ушами, а нутром: шёпот. Тысячи голосов на языке, которого не существовало в мире людей. Ангелы. Они звучали как перезвон тысяч хрустальных клинков в урагане.

— Что они...?

— ВЫБИРАЮТ, — мантия стала прозрачной, обнажая бездну за ней. — ТЫ ЗНАЕШЬ, ГДЕ ХРАНИТСЯ ТВОЙ КАСТИС?

— В висках, — Джэлил коснулся пульсирующих сенсоров. — В гиппокампальных извилинах. Связан с сердцем.

— ДА. ОН ДВУСТОРОННИЙ. ОН ДАЁТ ЧИСТОТУ. НО ОН ЖЕ ОТРЕЗАЕТ ТЕБЯ ОТ ТОГО, ЧТО СМЕРТНЫЕ НАЗЫВАЮТ ЧУВСТВАМИ. ТЕПЕРЬ ТЫ ПОНИМАЕШЬ ЦЕНУ.

— Я всегда её понимал, — тихо сказал Джэлил. И это была правда.

— АНГЕЛЫ ВСЕГДА БЫЛИ С ТОБОЙ. ПРОСТО ТЕПЕРЬ ТЫ НАКОНЕЦ СМОЖЕШЬ ИХ УСЛЫШАТЬ.

И тогда Джэлил засмеялся. Горько. Громко. Без единой слезы.

— И это всё? Вся эта боль — лишь ради того, чтобы стать рупором?

Звёзды погасли. На одно биение сердца.

— РАЗВЕ ЕСТЬ ЧТО-ТО ВАЖНЕЕ? — спросило Небо, и в его голосе вдруг проступила усталость, древняя, как сами камни. — ДАЖЕ ДЛЯ БОГА.

Тьма замерла, наполненная дрожащим сиянием. Всевышний заговорил, и каждый слог рождал в воздухе мерцающие, обжигающие письма:

— ЧТОБЫ ПРОБУДИТЬ ХОРЫ И СОБРАТЬ ИХ ПОД СВОИМ ЗНАМЕНОМ, ТЕБЕ НАДЛЕЖИТ ОБРАТИТЬСЯ К НИМ НА ИХ СВЯЩЕННОМ НАРЕЧИИ. ЯЗЫК ЛЮДЕЙ СЛИШКОМ ГРУБ ДЛЯ ИХ КАСТИСОВ.

Джэлил почувствовал, как по вискам струятся капли — будто сама вечность проступала сквозь его кожу.

— Но как они смогут хранить тех, чья речь для них губительна?

В очертаниях Божественного лика мелькнула тень нежности, пугающей в своей чужеродности:

— ЭТО, ДИТЯ МОЁ, ТЕБЕ ПРЕДСТОИТ ПОСТИЧЬ САМОМУ.

Он поднял руку, и время застыло, став густым, как янтарь.

— ГОТОВ ЛИ ТЫ ПРИНЯТЬ ВОИНСТВО И СТАТЬ БОГОМ ДЛЯ СМЕРТНЫХ? ИБО ОТНЫНЕ Я ОТРЕКАЮСЬ ОТ ЭТОГО МИРА.

— Мы...

— ТОЛЬКО ОТВЕТ! — прогремело так, что задрожали основания мироздания.

— Согласны, — прошептал Джэлил. В этом слове сомкнулось эхо всех клятв.

Бог медленно склонил голову.

— ДА БУДЕТ ТАК.

Когда Джэлил поднял глаза, перед ним остался лишь мерцающий след на камнях — словно от раскалённого железа, приложенного к самой ткани вечности. А в небе, где мгновение назад пребывал Всевышний, теперь медленно кружились белоснежные перья.

Кровь слабо сочилась на шее, когда Джэлил поднялся с холодного пола. Каждый вздох обжигал рану, но боль казалась далёкой, чужой — будто тело принадлежало уже не ему, а той новой судьбе, что взывала сквозь пелену страданий.

Джэлил открыл рот — и заговорил.

Он не знал этих слов. Никогда не учил их. Но они лились сами, ломая человеческую гортань, выстраиваясь в идеальные, кристальные структуры. Воздух задрожал, и из этой дрожи родился чистый звон, похожий на удар гигантского хрустального колокола.

Ангелы, незримо присутствовавшие в комнате, замерли.

И тогда произошло нечто, чего не случалось с момента смерти Теовиля. Сенсоры на их висках — те самые узоры, что связывали их с божественным, неизменным порядком, — начали пульсировать в такт сенсорам Джэдила. Они ин-

тегрировались. Невидимая нить протянулась между ним и каждым из них.

И в тот же миг ангелы постигли человеческие языки. Неосознанно. Непроизвольно.

Это не было обретением знания. Это было заражением. Человеческая речь, с её двусмысленностью, болью и страстью, хлынула в их чистое сознание, как чернила в кристальную воду.

Старший из них, чьё лицо напоминало одновременно юного отрока и древнего, измождённого старца, медленно опустился на одно колено перед Джэлилом.

— Мы слышали тебя, — произнёс он на языке, который ещё минуту назад был для него чужд и отвратителен. Голос ангела дрожал от новизны этих звуков. — Мы идём за тобой.

За стенами храма бушевала гроза. Но здесь, в центре бури, воцарилась тишина, полная нового, пугающего смысла.

Он попытался мысленно произнести своё имя. Но слово «я» застряло в горле, показавшись вдруг чужим, слишком тесным и ничтожным для того, что теперь заполняло его изнутри. Человеческая личность умерла на том холодном полу вместе с пролитой кровью.

С этого дня в его лексиконе осталось лишь одно местоимение.

«Мы».

Джэлил подошёл к зеркалу. На его висках проступали узоры — белые спирали, похожие на морозные разводы. Они

не светились, но при определённом освещении казались выжженными в самой его сущности.

Он стал тем, кем ему было суждено. Мостом между небом и землёй. Словом, которое ангелы были вынуждены выучить.

Началом новой, страшной веры.

ГЛАВА 8. Малисса

Пока Джэлил вырослел под тяжестью пророчеств, в тени зрел другой план. Тихий, безумный и выверенный с точностью математики.

Току Фергюссон не спрашивал согласия. Когда Малиссе исполнилось двенадцать, он впервые ввёл ей мутную, серебристую эмульсию и сказал:

— Ты выйдешь замуж. И родишь ему ребёнка.

Малисса молчала. Она давно поняла: её тело ей не принадлежит. Оно стало лабораторией, черновиком, полем боя, где её человеческую природу методично выжигали, чтобы освободить место для чужой силы. Но глубоко внутри, под слоями химии и боли, что-то всё ещё теплилось. Загнанное в угол, но живое.

— Зачем? — только и спросила она.

— Потому что обычная женщина сгорит, — Току не поднимал глаз от медицинского журнала. — Кровь Теовилей не течёт, она плавится. Ты — другая.

Он не говорил «я вырезал из тебя порочные гены». Он

не произносил «вживил односторонний Кастис». Но Малисса чувствовала это каждой ночью: жар под рёбрами, вибрация в костях, металлический привкус озона после укола. Её пульс замедлялся до сорока ударов. Она не выросла. Она консервировалась. Превращалась в сосуд. В чистилище для его амбиций.

Однажды, когда игла вошла в вену в третий раз за неделю, Малисса спросила:

— А если я откажусь?

Току наконец поднял взгляд. В его глазах не было злости. Только ледяная, абсолютная уверенность в собственной правоте.

— Ты не откажешься. Потому что выбора нет. Ты уже не человек. Ты — мост.

Она закрыла глаза. И больше не спрашивала.

Осенний ветер гнал по аллее сухую листву. Навстречу друг другу шли двое.

Току Фергюссон. Лицо, с которого стёрли всё лишнее. Взгляд, оценивающий пространство лишь с позиции учёного.

Арэй Теовиль. В его серых глазах застыла тихая, изматывающая обречённость человека, которого изнутри точит собственное знание.

Они остановились. Три шага между ними. Пропась между врагами. Пропась между отцами.

— Фергюссон, — бросил Арэй.

— Теовиль, — ответил Току.

— Станным мне показалось твоё письмо. Что такого важного, что ты позабыл о ненависти?

Току медленно провёл языком по губам.

— Я знаю, что он, наконец, возродился.

Арэй замер.

— Откуда?

— Слишком долго вы не исполняли свой долг. — Току сделал шаг вперёд. — Я должен увидеть мальчика. Если мои подозрения верны... я помогу тебе.

Арэй рассмеялся — горько, безрадостно.

— Ты? Мне? Подпускать тебя к Джэлилу — величайшая ошибка.

— Я отдам за него свою дочь, — бросил Току.

Арэй остолбенел.

— Какую дочь? У тебя есть дочь?!

— Да. И я пересобрал её ради твоего сына.

Арэй молчал. Его дар — проклятие принимать единственно верное решение — сжал его горло ледяной хваткой. Всё в нём восставало, кричало об опасности. Но дар не ошибался никогда. Он просто показывал неизбежное.

— Она не выдержит, — прошептал Арэй, и голос его дрогнул. — Она умрёт...

— Она выстоит, — Току не моргнул. — Я собрал её из осколков. Кость за костью. Ген за геном. Она не родилась. Я создал её. Но она выдержит. Она должна.

Арэй слушал. И дар внутри него не шелохнулся, подтверждая страшную истину. Значит, этот чудовищный союз — единственный выход. Он ненавидел свою правоту.

Через неделю Току привёз дочь.

Арэй замер. Перед ним стояло хрупкое, почти прозрачное создание. Казалось, одно резкое слово могло её разрушить. Но в её глазах была не пустота бездумного сосуда, а странная, выстраданная тишина.

— Здравствуй, дитя, — тихо сказал Арэй.

— Здравствуйте, отец, — ответила она. Голос был тихим, но в нём не было механической покорности.

Арэй молча передал ей двухмесячного Джэлила.

И в этот миг случилось то, чего не предусматривал ни один холодный расчёт.

Её пальцы, привыкшие к ледяному прикосновению игл и скальпелей, внезапно обрели тепло. Она прижала ребёнка к груди, и где-то в самой глубине, под ледяной коркой многолетних модификаций, треснула скорлупа.

Проснулась ли её человеческая душа, годами дремавшая в темноте, и теперь остро, отчаянно жаждавшая любви? Или это была гениальная, жестокая ловушка Току, запрограммировавшего в ней способность к привязанности, чтобы она добровольно и с улыбкой шла на всё ради его цели?

Малисса не знала ответа. Она лишь смотрела на спящее лицо ребёнка, и по её щеке медленно скатилась первая за долгие годы настоящая, горячая слеза.

— Никогда не думал, что такой день настанет, — прошептал Арэй, не в силах отвести взгляд от этой хрупкой, трогательной сцены.

Току молчал, наблюдая за ними. В его мыслях звучало одно и то же, как холодное, неумолимое заклинание:

«Прости меня. Но иного пути не было. Я не позволю им править вечно».

ГЛАВА 9. Свадебная ночь

На пятнадцатилетие Джэлила собралась тысяча гостей. Их восхищение вызывало у него тошноту. Но больше всего раздражала она.

Малисса. Хрупкая. Метр сорок. Её бледное лицо, дрожащие ресницы, немые взгляды, полные обожания — он не мог вынести всего этого. Она была насмешкой. Слишком ломкой. Слишком живой.

Выскользнув из зала, он вышел на балкон. Прохладный ночной воздух обжѐг лёгкие, но не принѐс облегчения.

Лѐгкие шаги за спиной. Он не оборачивался.

— Вам что-то нужно?

— О, простите... — голос дрожал. — Вы хотели отдохнуть... а я...

— Да. Докучаете, — отрезал он.

Тишина. Где-то в глубине измученной души что-то дрогнуло.

— Простите... — прошептала она, поворачиваясь. Но он

резко схватил её за плечи и развернул.

Джэлил возвышался над ней. Его глаза, холодные как лезвия, впились в её лицо.

— Не жди от нас любви. Ты — сосуд. Ты должна вынести наследника. Любовь? Сострадание? Мы не знаем этих слов. Мы рождены из света, но в нас живёт только пустота.

Малисса задрожала. Губы разошлись.

— Как вы можете защищать души людей от зла, если в вашем сердце нет ничего человеческого?

Он усмехнулся.

— Вот поэтому и можем. Только пустота может противостоять пустоте. А теперь... уходи.

Он отпустил. Но вдруг что-то тёплое прижалось к его спине.

— За что вы так меня ненавидите? — её голос сорвался. — Я знала вас с младенчества... и вы всегда были таким. Холодным. Я готова была принять всю вашу боль... Но вы не оставляете мне даже крошки надежды!

Джэлил замер. Её слова падали в пустоту, не находя отклика.

— Облегчить нашу ношу? — он произнёс медленно. — Ты хотя бы на себя посмотри. Ты здесь только для того, чтобы вынести наследника. Твоя любовь — это болезнь. Уйди.

Малисса застыла. Пальцы разжались. Она отступила. Глаза — огромные, полные невыносимой боли — смотрели на него с немым ужасом. И прощением.

В этот миг он не просто отверг её. Он растоптал её душу.
Потом она ушла. Тихо. Без слов.

Джэлил остался один. Поднял голову к звёздам.

— Господи... — прошептал в пустоту. — Мы разбили ей сердце... и не чувствуем ничего. Почему мы такая сволочь?

Ночь молчала.

Прошло восемь лет.

Брак оставался формальностью. Малисса появлялась раз в году. На две недели. Каждое её возвращение в клинику «Элизиум» оставляло новые шрамы. Джэлил не спрашивал. Ему было всё равно. Или он убеждал себя, что всё равно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.